Геополитика и экогеодинамика регионов.
Том 6 (16). Вып. 3. 2020 г. С. 126–135.

DOI: 10.37279/2309-7663-2020-6-3-126-135
УДК 911.3

Е. Е. Демидова[1],
А. В. Старикова[2]

Этнодемографический ландшафт в странах Европы до и после миграционного кризиса (на примере Германии и Швеции)

[1] ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В.Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация
[2] ФГБУ «Институт географии РАН», г. Москва, Российская Федерация
e-mail: [1]edemidova@geogr.msu.ru, [2]a.v.starikova@igras.ru

Аннотация. *Вторая половина 2010-х г. связана со значительным изменением этнодемографического ландшафта большинства стран Западной Европы. На примере Германии и Швеции — стран, наиболее активно вовлеченных в иммиграционный процесс в результате кризисных ситуаций в Сирии, южном Средиземноморье и на Ближнем Востоке в 2015–2016 гг., — рассматриваются изменения географии миграционных потоков, влияющих на этнический состав их населения.*

Ключевые слова: *миграционный кризис, иммиграция, этнический состав, Германия, Швеция, Европа.*

Введение

Западная Европа — регион с длительной переселенческой историей. Однако наиболее яркое и интенсивное проявление иммиграционных процессов началось в в. и было обусловлено не только общемировыми тенденциями роста пространственной мобильности населения, но, прежде всего, гуманитарными катастрофами Первой и особенно Второй мировых войн. Военные действия, с одной стороны, стали причиной неизбежных потоков беженцев, а впоследствии и репатриантов, а с другой, определили острую потребность в значительных человеческих ресурсах для восстановления разрушенных государств. В 1960-х г. наступает переломный момент — радикально поменялась география миграционных потоков: Европа становится «импортером» мигрантов из Азии, Африки и Латинской Америки. [6]. Этому способствуют и нехватка рабочей силы в условиях экономического роста европейских стран, и активно развернувшаяся деколонизация. К 1990 гг. этнический состав Западной Европы «запестрел» выходцами из Турции, Египта, Туниса, Алжира, стран Ближнего Востока, Южной, Юго-Восточной, Восточной Азии. Начало XXI в. ознаменовалось наложением на существующую экономическую иммиграцию потоков политических мигрантов. Обострение конфликтов в Афганистане в 2001 г. и разгоревшаяся в 2003 г. война в Ираке привели к наплыву беженцев. «Арабская весна» — протестная волна, зародившаяся в 2011 г. и захлестнувшая Тунис, Египет, Ливию, Марокко, Алжир и другие страны арабского мира, способствовала значительному росту числа желающих получить убежище в благополучной Западной Европе. Однако настоящий миграционный кризис разразился в 2015–2016 гг. и был связан с активизацией военных действий в Сирии. По данным Евростата

(https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Asylum_ statistics, дата обращения 02.05.2020 г.) в 2008 г. от граждан стран, не являющихся членами ЕС, поступи200 тыс. прошений о предоставлении убежища. В 2014 г. показатель увеличился в 3 раза — до 600 тыс., а в 2015 г. прошений было уже около 1,3 млн. Таким образом, если в 2014 г. в Европу легально прибыло около 280 тыс. мигрантов, то в 2015 г. — минимум 1,2 млн чел. Наибольшее число прошений о политическом убежище в 2015 г. получила Германия (442 тыс., ещё через год цифра возросла более чем в 1,5 раза, достигнув 722 тыс. прошений), а лидерами по числу прошений относительно численности местного населения стали Венгрия и Швеция (1798 и 1667 прошений на 100 тыс. граждан соответственно (*www.bbc.com/russian/international/2016/02/160219_migrant_ crisis_charts, дата обращения 02.05.2020 г.*). Большинство стран Западной Европы были вынуждены ужесточить миграционную политику, что привело к сокращению числа иммигрантов до 670–680 тыс. чел. в 2018–2019 гг. Очевидно, в 2020 г. показатель окажется ещё ниже из-за закрытия границ в связи с пандемией COVID-19. Однако последствия миграционного кризиса продолжают оказывать воздействие на абсолютно все сферы жизни европейского общества, от демографической до культурной и политической.

Международные миграции занимают важное место на исследовательском поле как социологов и демографов, так и географов. Её аспекты затрагиваются в многочисленных публикациях отечественных (в т. ч. А. Г. Вишневского, В. А. Ионцева, А. В. Капралова, Г. М. Лаппо, В. В. Покшишевского, Т. М. Регент, Н. М. Римашевской, С. В. Рязанцева, Л. Л. Рыбаковского, Л. М. Синцерова, А. Е. Слуки, В. А. Тишкова, А. В. Топилина, Б. С. Хорева) и зарубежных (В. Зелинского, О. Дауна, П. Мойсбургера, Р. Мюнца, А. Портеса, Р. Румбо, О Старка, Э. Тейлора, Р. Ульриха, Х. Фассмана, Н. Фонер, Т. Хёггерстранда, С. Шеффлера и др.) исследователей. Международной миграции в избранных для анализа странах среди российских авторов посвящены работы А. М. Волкова, Е. В. Романовой, М. С. Савоскул, И. Н. Молодиковой, Н. С. Плевако, О. В. Чернышовой и др.

Цель данного исследования — выявление изменений западноевропейского этнодемографического ландшафта в посткризисный период на примере двух стран — Германии и Швеции, относящихся к числу лидеров по абсолютному (в случае Германии) и относительному (в случае Швеции) числу мигрантов.

Материалы и методы

Информационной базой исследования стали статистические и аналитические сборники Евростата, Международной организации по миграции, в т. ч. данные портала Глобального центра анализа миграционных данных *(https://migrationdataportal.org/?i=stock_abs_&t=2019, дата обращения 02.05.2020 г.*), а также публикации Федерального статистического ведомства Германии *(https://www.destatis.de/DE/Home/_inhalt.html, дата обращения 27.06.2020 г.)*, немецкого Федерального ведомства по делам миграции и беженцев *(https://www.bamf.de/DE/Startseite/startseite_node.html, дата обращения 27.06.2020 г.)*, Статистического управления Швеции *(https://www.scb.se, дата обращения 27.06.2020 г.)*, Шведского Агентства по миграции *(https://www.migrationsverket.se/English/About-the-Migration-Agency/Statistics/*

Asylum.html, дата обращения 27.06.2020 г.). Сопоставление этнической структуры населения государств осложняется различием в подходах к сбору соответствующих данных. Так, в Швеции собираются и публикуются данные именно об этнической принадлежности жителей. В Германии статистические источники предоставляют информацию о странах происхождения для проживающих здесь иностранцев, прибывших мигрантов, а также для лиц с миграционным фоном *(К населению с миграционным фоном (прошлым) Федеральное статистическое ведомство относит: 1) иностранцев, 2) лиц, получивших права гражданства, 3) репатриантов, 4) иностранцев, усыновленных гражданами ФРГ, 5) детей-граждан ФРГ по рождению, чьи родители относятся к упомянутым категориям. Иностранцы — лица, не являющиеся гражданами ФРГ (в рамках статьи 166, пункт 1 Основного закона ФРГ), лица без гражданства и с невыясненным гражданством. Граждане ФРГ с двойным и множественным гражданством к этой категории не относятся.).* Для достижения поставленной цели в работе применялись сравнительно-географический, историко-географический, математико-статистический методы и метод системного анализа.

Результаты и обсуждение

Формирование этнодемографического ландшафта Германии. Германия многие десятилетия является одной из наиболее привлекательных стран для мигрантов. Формирование её этнодемографического ландшафта и его трансформация с середины XX в. тесно связаны как с европейскими, так и с глобальными миграционными процессами. За период с 195 по 2018 гг. в Германию въехало свыше 51 млн чел., выехало за её границы около 37 млн чел., т.е. на сегодняшний день миграционный оборот превысил численность постоянного населения. В то же время география иммиграции претерпела существенные изменения.

Отток и эмиграцию политических беженцев, евреев и др. с территории «Третьей империи» сменила серия разномасштабных, отличающихся по структуре миграционных (прежде всего иммиграционных) волн, обусловивших современную неоднородность этнодемографической структуры населения. Сразу после Второй мировой войны страна столкнулась с необходимостью компенсировать нехватку местных рабочих рук: по соглашениям, заключённым в 1955 г., привлечение иностранных рабочих (гастарбайтеров) осуществлялось не только из стран Южной Европы (Италии, Испании, Греции, Португалии, Югославии), но также из Турции и африканских стран (Марокко и Туниса), которые далеки от Германии в культурном и религиозном плане, что породило необходимость мер для адаптации и интеграции приезжих в немецкое общество. За почти двадцатилетний период (поток резко сократился после нефтяного кризиса 1973 г. и принятия мер для предотвращения роста безработицы и снижения уровня заработной платы среди немецких граждан), несмотря на обязательное для гастарбайтеров возвращение на родину по окончании срока действия разрешения на работу, в стране осело около 4 млн иммигрантов [4]. Это стало основой многолетнего процесса «воссоединения семей». Следующий «скачок» в притоке мигрантов был связан с возвращением на историческую родину после объединения Германии этнических немцев из бывших советских

республик (поздних переселенцев или репатриантов) и притоком политических беженцев с территории Югославии, Афганистана и Ирака. В начале XXI в. направления миграционных потоков в Европе были обусловлены расширением ЕС на восток и последствиями экономического кризиса, вызвавшими приток мигрантов из стран Южной и Восточной Европы [5], в первую очередь, из Италии, Испании, Греции и бывших югославских республик.

Европейский миграционный кризис 2015–2016 гг. не только вызвал очередную иммиграционную волну, но значительно превысил предшествующие по своему значению и масштабам. Только в 2015 г. в Германию въехало почти 2 млн человек, выехало около 860 тыс. чел. и, таким образом, сальдо миграции достигло своего наибольшего значения за всю истории страны. В результате по показателю численности населения, рождённого за пределами государства *(https://migrationdataportal.org/data?focus=profile&i=stock_abs_&t=2010&cm49=276, дата обращения 12.05.2020 г.)*, Германия в 2019 г. поднялась среди стран мира на 2-е место *(Десятилетиями 1-е место занимают США — «страна иммигрантов», безусловный лидер, чьё население сформировано иммигрантами изначально и на протяжении всей истории государства активно пополнялось ими. Германия в середине 1990-х–2000-х гг. сохраняла 3–4-е места (после притока поздних переселенцев, турецких рабочих, югославских беженцев и мигрантов из ЕС численность жителей, рождённых за границей, составила в 1995 г. 7,5 млн чел., в 2005 г. — 9,4 млн чел., в 2015 г. — 10,2 млн чел.)*. В 2019 г. в стране проживало уже 13,1 млн лиц, родившихся вне её пределов, 2-е место Германия разделила с Саудовской Аравией, которую можно назвать «страной трудовых мигрантов» — работающие здесь иностранцы составляют около 1/3 населения.). Приток мигрантов трансформировал как абсолютные, так и относительные показатели, характеризующие население с миграционным фоном: доля выходцев из европейских стран заметно снизилась (69,8% в 2014 г, 65,4% в 2018 г.), доля мигрантов и их потомков из азиатских государств напротив — ощутимо возросла (16,6% и 21,7% соответственно *(Показатель включает данные по Австралии и Океании, в силу несущественного числа переселенцев из них общая картина сохраняется)*), увеличилась (хоть и незначительно) доля африканцев (рис. 1). В 2018 г. основным мотивом переселения в Германию являлось воссоединение семей (37%), работа (19%) и получение убежища (15%).

Хотя в иноэтничном населении Германии в 2018 г., как и раньше, продолжали доминировать выходцы из Турции и Польши, в этнодемографическом ландшафте оформились новые значимые группы иммигрантов. Прежде всего, это выходцы из Сирии, которые чрезвычайно быстро стали седьмой этнической группой в стране, практически догнав давно обосновавшихся здесь итальянцев. В 2010 г. сирийская диаспора насчитывала чуть больше 31 тыс. чел. и состояла, главным образом, из образованных мигрантов, небольшого числа беженцев и лиц, приехавших с целью воссоединения семьи [9]. К 2018 г. сирийцев стало в 26 раз больше, при этом структура потока изменилась, в ней стали доминировать беженцы, главным образом, мужчины молодых возрастов. Среди других групп населения, не вошедших в первую десятку, но ставших заметнее в новом этнодемографическом ландшафте, следует назвать прибывших из Ирака, Афганистана, Ирана. Их меньше, чем сирийцев, но в социокультурном отношении они также далеки от местного населения. Ещё одной значимой чертой этнодемографической

структуры, как следствие т.н. миграции от нищеты, стало увеличение числа переселенцев из таких стран, как Румыния (их стало вдвое больше, при этом поток последних лет во многом формируют цыгане, подавляющее большинство которых малограмотны и не имеют профессии), Косово, Босния и Герцеговина.

Таблица 1

Население Германии с миграционным фоном до и после миграционного кризиса

№	2009		№	2018	
	Страна происхождения*	**Численность иммигрантов (тыс. чел.)**		**Страна происхождения***	**Численность иммигрантов (тыс. чел.)**
1.	Турция	*2 502*	1.	Турция	*2 769*
2.	Польша	*1 298*	2.	Польша	*2 253*
3.	Россия	*1 060*	3.	Россия	*1 366*
4.	Италия	*771*	4.	Казахстан	*1 252*
5.	Казахстан	*656*	5.	Румыния	*965*
6.	Румыния	*435*	6.	Италия	*868*
7.	Греция	*375*	7.	Сирия	*813*
8.	Хорватия	*367*	8.	Греция	*467*
9.	Сербия	*297*	9.	Косово	*463*
10.	Украина	*251*	10.	Босния и Герцеговина	*415*

*Примечание: *Страна происхождения лица с миграционным фоном или одного из его родителей.*

Составлено по данным немецкого Федерального ведомства по делам миграции и беженцев.

Конечно, с учётом старения населения и нехватки собственных кадров на рынке труда Германии необходимы людские ресурсы для поддержания экономики. Поэтому для страны иммиграция означает дополнительные возможности. С другой стороны, приток таких новых жителей — это долгосрочные риски, связанные с необходимостью претворения в жизнь программ языковой, профессиональной и социальной интеграции нескольких сотен тысяч человек. Мигранты кризисной волны — это не только обуза в экономическом плане (ведь даже если мигрантам не положено социальное пособие власти на местах должны обеспечивать их медицинской помощью, предоставлять детям доступ к школьному образованию): в культурном, социальном и религиозном отношении они значительно отличаются от немецкого населения, характеризуются низким уровнем образования, высокой религиозностью (свыше 70% просителей убежища в 2015–2016 гг. — мусульмане [7]), часто — нежеланием адаптироваться и соблюдать законы принявшей их страны. Всё это вызывает в обществе неуверенность в возможности интегрировать такое количество переселенцев: по данным социологических опросов подавляющая часть немецких граждан считает, что недостатки от притока иммигрантов значительно больше преимуществ [2].

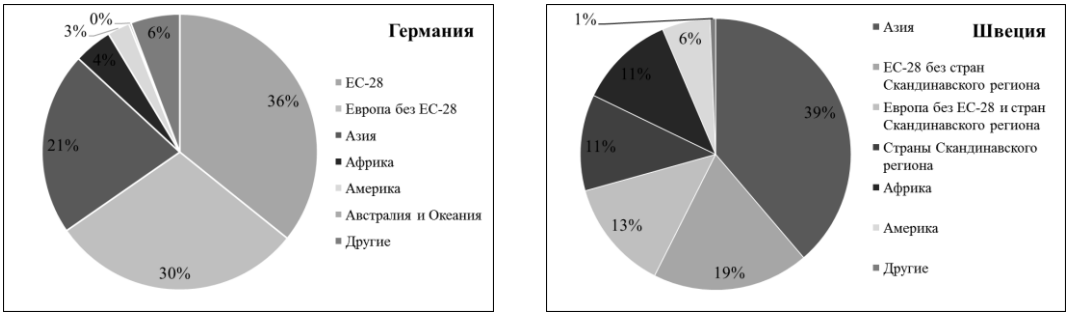

Рис. 1. Структура населения Германии (2018 г.) и Швеции (2019 г.) по данным о происхождении иноэтничных жителей по регионам мира.

Составлено по данным немецкого Федерального ведомства по делам миграции и беженцев, Статистического управления Швеции, Шведского Агентства по миграции.

Формирование этнодемографического ландшафта Швеции. За последние 60–70 лет Швеция проделала колоссальный «миграционный» путь: от страны-«мононации» до полиэтнического государства, жители которого разговаривают на более чем 200-х языках мира, и где каждый пятый рождён за рубежом.

К началу Второй мировой войны свыше 95% населения Швеции составляли шведы. В военное и первое послевоенное время Швеция, официально занявшая позицию нейтралитета и, таким образом, наименее пострадавшая от военных действий, приняла десятки тысяч беженцев. Это были, главным образом, евреи, бежавшие из нацистской Германии и с оккупированных территорий, а также этнические датчане, норвежцы, финны и немцы [1]. Открытие границ в связи с созданием единого паспортного союза Северных стран в начале 1950-х годов способствовало новой волне иммиграции из соседних государств (главным образом, из Финляндии). Однако, эти «нешведы» в силу культурной и исторической общности были крайне близки шведским социокультурным традициям, и значительная часть приехавших легко ассимилировалась местным обществом [3]. В 1950–1980-х годах нарастала интенсивность и расширялась география иммиграционных потоков. В этот период Швеция стала страной-реципиентом для беженцев из эпицентров военных и политических конфликтов; здесь нашли убежище иранцы (17 тыс.), ассирийцы и сирийцы (16,5 тыс.), чилийцы (14 тыс.), венгры (13 тыс.), поляки (11 тыс.), югославы, греки, эритрейцы, палестинцы, курды, вьетнамцы и др. [3]. Таким образом, в последней четверти XX в. произошла смена вектора иммиграции с преимущественно трудовой на преимущественно политическую (беженцы). Важным фактором увеличения миграционного потока стало воссоединение семей. В отличие от волн «северной миграции», иммигранты 1970–1990 годов несли новый культурный код, что не могло не отразиться на социально-экономической и политической ситуации в самой Швеции (рост безработицы, протестных националистических настроений и др.). Швеция становится полиэтнической страной.

В 2000 г. число мигрантов в почти 9-ти миллионной Швеции превысило 1 млн чел., каждый 10-й житель был рождён за рубежом. В страну ежегодно продолжают въезжать десятки тысяч граждан других стран; в 2009 г. показатель «пробил» моральный рубеж в 100 тыс. чел. В 2000–2014 годах главными причинами миграции иностранных граждан в Швецию были: 1) воссоединение с

семьей; 2) получение убежища (одна из главных стран-«доноров» беженцев — Сирия); 3) работа (особенно в ИТ-сфере, преимущественно, выходцы из Таиланда, Индии и Китая); 4) учёба (Китай, Индия, США); 5) «новоприобретённая любовь» («love refugees») — уникальная категория, к которой относят иммигрантов, влюблённых в жителя (жительницу) Швеции [8].

Таблица 2

Этническая структура преобладающих национальных меньшинств в Швеции в 2009 и 2019 гг.

№	2009		№	2019	
	Страна происхождения	**Численность иммигрантов (тыс. чел.)**		**Страна происхождения**	**Численность иммигрантов (тыс. чел.)**
1.	Финляндия	*172*	1.	Сирия	*191*
2.	Ирак	*118*	2.	Финляндия	*144*
3.	Югославия*	*72*	3.	Ирак	*146*
4.	Польша	*68*	4.	Польша	*94*
5.	Иран	*60*	5.	Иран	*80*
6.	Босния и Герцеговина	*56*	6.	Сомали	*70*
7.	Германия	*48*	7.	Югославия*	*64*
8.	Дания	*46*	8.	Босния и Герцеговина	*60*
9.	Норвегия	*44*	9.	Афганистан	*58*
10.	Турция	*41*	10–11.	Германия / Турция	*51*

*Примечание: *****Иммигрировавшие до распада Югославии.*

Составлено по данным Статистического управления Швеции, Шведского Агентства по миграции.

Общеевропейский миграционный кризис 2015–2016 годов для Швеции ознаменовался резким скачком прошений о предоставлении политического убежища и ростом незаконной иммиграции [1]. По официальным данным на 2015–2016 годы пришёлся пик въездной иммиграции (134 тыс. и 163 тыс. чел. соответственно), к которому ни государство, ни его жители оказались не готовы. Беспрецедентный рост численности нуждающегося населения привел к значимому истощению социально-экономических ресурсов страны. Именно поэтому уже в 2015–2016 гг. был принят ряд мер для ограничения потока мигрантов (ужесточение паспортного контроля на границе, ограничение возможности получения вида на жительство и воссоединения с семьей и др.), приведший к сокращению внешнего миграционного потока в последующие годы. Последствия миграционного кризиса имеют пролонгированный эффект и окончательные выводы делать, безусловно, рано. Однако уже сейчас можно судить о тех изменениях, которые внесла политика толерантности и открытости границ в этнодемографический ландшафт Швеции (рис. 1, табл. 2). В конце 2010-х годов впервые за всю историю существования страны второй по численности нацией становится далекий от североевропейской идентичности народ — сирийцы. Кроме того, из 10-ки национальных меньшинств под натиском выходцев из стран Ближнего Востока и Африки полностью исчезают представители стран

Скандинавского региона (Норвегии и Дании). Об усилении «несеверного» влияния свидетельствуют и данные об иммигрантах, прибывших в страну в 2019 г., где первые строчки занимают индийцы (7,3 тыс. чел.), афганцы (6,5 тыс.), сирийцы (3,1 тыс.), иракцы (3,6 тыс.) и иранцы (3,5 тыс.). Особую озабоченность вызывают стратегии поведения новых граждан Швеции. Значимая часть новоприбывших не спешит интегрироваться в шведское общество и становиться его полноправным членом, предпочитая пользоваться правами, но пытаясь уклониться от обязанностей. Подобная ситуация, безусловно, ведет к росту социальной напряженности в обществе.

Выводы

Таким образом, главная особенность миграционной ситуации, сложившейся в европейских странах (в частности, в Германии и Швеции) в посткризисный период второй половины 2010-х годов состоит в наложении на давно ставший традиционным процесс международной трудовой миграции (как легальной, так и нелегальной) лавинообразного потока беженцев из зон гуманитарных катастроф. Стремительный рост численности новых граждан привел к социально значимому изменению этнодемографического ландшафта, включая изменение соотношения между традиционно многочисленными и до этого малочисленными этническими группами, появление новых значимых этнических групп и рост мозаичности этнической структуры населения.

В Германии, принявшей основной по объёму потока удар иммиграционной волны 2015–2016 годах, произошло резкое увеличение численности группы, до кризиса незначительной по числу переселенцев – сирийцев, и, соответственно, изменение до этого относительно стабильной первой 10-ки иноэтничных групп. В целом выросло число жителей, не только значительно отличающихся от немецкого населения по своим социокультурным и религиозным характеристикам, но и не стремящихся к адаптации в новой среде. Для Швеции — страны, монокультурность и национальная «замкнутость» которой на протяжении столетий являлись одними из главных отличительных черт, сложившаяся ситуация оказалась сродни революции или перевороту. Миграционный кризис поставил под угрозу традиционную систему шведских национальных ценностей, изменил стратегии социально-экономического развития.

В результате европейского миграционного кризиса обострились проблемы иммиграционной политики, интеграции иммигрантов в общественную среду принимающей стороны. На примере как большой, так и малой европейской страны остро обозначились пределы для социально-экономического маневра в вопросе иммиграции.

Литература

1. Волков А. М. Миграционные потоки в страны Северной Европы // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 1 (23). С 126–142.
2. Молодикова И. Н., Лялина А. В. Территориальные различия взглядов немцев на миграционный кризис в Германии: политический аспект // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 2. С. 82–104.

3. Плевако Н. С., Чернышева О. В. Можно ли стать шведом? Политика адаптации и интеграции иммигрантов в Швеции после второй мировой войны. М.: Красанд, 2012. 320 с.
4. Романова Е. В. Германия под давлением миграционного кризиса. В кн.: Германия. 2015. Часть 2. М.: Ин-т Европы РАН, 2016. 92 с.
5. Романова Е. В. Смена миграционной парадигмы в Германии в XXI веке. В кн.: Миграционные проблемы в Европе и пути их решения. М.: Ин-т Европы РАН, 2016. 144 с.
6. Синцеров Л. М. Международные миграции населения в конце XX – начале XXI века // География и экология в школе XXI века. 2015. № 9. С. 3–11.
7. Толмачева А. Ю. Мигранты-мусульмане в Германии: проблемы адаптации // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 3. С. 57–71.
8. Швеция и миграция [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.sweden.se/migration (дата обращения 28.06.2020)
9. Worbs S., Rother N., Kreienbrink A. Syrische Migranten in Deutschland als bedeutsame neue Bevölkerungsgruppe // Informationsdienst Soziale Indikatoren. 2019. № 61. S. 2–6.

E. E. Demidova[1], A. V.Starikova[2]

Ethno-demographic landscape in Europe before and after the migration crisis (evidence from Germany and Sweden)

[1]Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia Federation
[2]Institute of Geography, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia Federation
e-mail: [1]edemidova@geogr.msu.ru, [2]a.v.starikova@igras.ru

Abstract. *The second half of the 2010-s is associated with a significant change in the ethno-demographic landscape of the most countries of Western Europe. Changes in the geography of migration flows affecting the ethnic composition of their population are considered on the example of Germany and Sweden, the countries most involved in immigration process as a result of crisis situations in Syria, the southern Mediterranean and the Middle East in 2015–2016.*

Keywords: *migration crisis, immigration, ethnic composition, Germany, Sweden, Europe.*

References

1. Volkov A. M. Migracionny`e potoki v strany` Severnoj Evropy` // Vestnik diplomaticheskoj akademii MID Rossii. Rossiya i mir. 2020. № 1 (23). S. 126–142. (in Russian).
2. Molodikova I. N., Lyalina A. V. Territorial'nye razlichiya vzglyadov nemcev na migracionnyj krizis v Germanii: politicheskij aspekt // Baltijskij region. 2017. T. 9, № 2. S. 82–104. (in Russian).
3. Plevako N. S., Cherny`sheva O. V. Mozhno li stat` shvedom? Politika adaptacii i integracii immigrantov v Shvecii posle vtoroj mirovoj vojny`. M.: Krasand, 2012. 320 s. (in Russian).

4. Romanova E. V. Germaniya pod davleniem migracionnogo krizisa. V kn.: Germaniya. 2015. CHast' 2. M.: In-t Evropy RAN, 2016. 92 s. (in Russian).
5. Romanova E.V. Smena migracionnoj paradigmy v Germanii v XXI veke. V kn.: Migracionnye problemy v Evrope i puti ih resheniya. M.: In-t Evropy RAN, 2016. 144 s. (in Russian).
6. Sincerov L. M. Mezhdunarodny`e migracii naseleniya v konce XX – nachale XXI veka // Geografiya i e`kologiya v shkole XXI veka. 2015. №9. S. 3–11. (in Russian).
7. Tolmacheva A. Yu. Migranty-musul'mane v Germanii: problemy adaptacii // Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika. 2019. № 3. S. 57–71. (in Russian).
8. Shveciya i migraciya. URL: https://ru.sweden.se/migration/. (in Russian).
9. Worbs S., Rother N., Kreienbrink A. Syrische Migranten in Deutschland als bedeutsame neue Bevölkerungsgruppe // Informationsdienst Soziale Indikatoren. 2019. № 61. S. 2–6. (in German)

Поступила в редакцию 06.07.2020 г